

Родина

Земля во мгле.

Фонарь в тумане, словно в целлофане,
Глядит в окно, где я в ночном дурмане,
Как лунь в дупле,
Сижу, верчу слова в башке, пишу,
Глотая пыль пустого красноречья,
Потягиваюсь, расправляю плечи
И тьмой дышу.

Здесь, в тишине,
На пустырях заброшенных околиц,
Пророк промзоны, праздный богомолец,
Один за всех, чужой в родной стране,
Как вещь-в-себе, —
Я познаю, Земля, твой тёмный опыт,
Твой скрытый крик, твой непонятный шёпот,
Твоё упрямое усердие в борьбе.

Я слышу: «Ты,
Орёл, когтящий в небе только звуки,
Творец слепой мечтательной науки,
Дитя последней, страшной высоты,
Ты, одинокий воин, рыцарь тощий,
Живёшь во тьме державным чувством мощи.
Но подними свои живые мощи,
Екклесиаст словесной пустоты!

Мятежный раб словесной мишуры,
Хрустальных литер безмятежно-хрупких,

Разбитых, как прозрачные скорлупки,
От первых же шагов Моей игры, –
Пойми, что их, быть может, не спасти.
Превыше всех словесных хитрых магий –
Классическая немота бумаги
В твоей горсти!

Встань! Острый взгляд в действительность вонзи!
Гляди: взирают хилые побеги
Сквозь рваную косоворотку снега.
Под ней, в грязи, –
Худое тело, в оспинах и пятнах,
И немощно, и немо, и развратно, –
Нагая плоть
Твоей Руси...».

...Здесь, на земле, в родительской грязи,
Где чвакает под сапогами стужа,
Где неба голубее в поле лужа,
Среди болот,
Где ты лежишь у ног моих, тоскуя,
К чужим краям своих детей ревнуя,
Где примерзает к телу в поцелуе
Твой синий рот, –

Россия, Русь,
Окаменев, став пеплом, прахом, глиной,
Я возвращусь к тебе, под кров единый.
Я чувствую твой нрав – крутой, старинный...
Ты спишь – и пусть!
Ты спишь – как камень в Божией руке.
Но внутреннее солнце не ослепло,
Оно – во мне, оно не зря цвело и крепло,
И вот – я собираю Русь из пепла
В своей строке!

Средь неумех,
Худых, калечных порождений праха,

Где у бездомных, не внушая страха,
Всеведение, как грязная рубаха,
Глазеет из прорех, –
Мне кажется, я ничего не значу.
Уйдя, я никого не озадачу.
Но я не жалуясь, я не зову, не плачу,
Ведь жаловаться – грех.

Моя борьба
Шла в тишине, без ропота, без стона.
Сколь праведна она, столь незаконна,
Сколь благородна, столь же и груба.
Но без борьбы
Себя сквозь сумрак плоти не нащупал
Я, возвышаясь, словно тёмный купол,
Над площадью безлюднейшей судьбы.

Но, всем твоим законам вопреки,
Наперекор упрёкам, пеням, стонам,
Ловлю я смысл твоей судьбы-реки
В её излуках и затонах.
В глухом мозгу коплю я тайный свет,
Цветёт на языке словарь Бояна,
И бродит в венах древний сок побед
Грешно и пьяно.

Разбей, испепели, сотри меня,
Сведи к нулю, сожги, развеи по ветру
Летучим, быстрым стихотворным метром,
Как семенем, на сотни километров,
На зеленыя, –
Я сдую. Я смолчу. Я претерплю.
Не крикну. Не ругнусь. Не стану плакать.
Прах Родины, и дым, и тлен, и слякоть,
Плодов твоих незрелых сок и мякоть –
Я их люблю!

Когда гляжу я в темноту, вперёд,
Туда, где я с тобою суть едино,
Где мне твоя кладбищенская глина,
Горька отменной правдою старинной,
Забил рот, –
Я чувствую в язвительной тоске
Под самым сердцем склизкий холод бездны,
Но – слышу, как ворочаются песни
На языке!

Я чувствую, сколь многое дано нам.
То, что не пережить, по всем канонам, –
И распри, и паденья, и препоны, –
Пережито.
Я верю: ты умрёшь. Но ты – воскреснешь.
Я – сын твой, я – твой грех, и крик, и песня,
Последний атом Русской Поднебесной,
Твой уголёк, твой прах, твой стон безвестный,
Твоё Ничто.

Быть может, я ошибся – чуть, едва...
Я слеп в своём предвиденье высоком.
Но Ты, горя предвечным Ярым Оком
Во тьме живого естества, –
Ты знаешь, что грешно прозреть до срока.
А человек, слагающий слова,
Есть глаз страны,
Что вечно смотрит внутрь, а не наружу
И в сердце прозревает ту же стужу –
По-царски тяготящую нас стужу
Твоей Весны.

Так верю. Так живу. Так говорю
В глухой ночи, Твоей ночи бесследной.
Под свет луны, надраенной и медной,
Я жду зарю

И, не познав ни робости, ни страха,
Тебя, Россия, из огня и праха,
Из вольной крови, русского размаха –
Тебя творю!

Русская ночь

Лежу на дне огромной, чёрной ночи –
Осадок на горелом дне котла.
Что делать, если хочешь иль не хочешь,
Но жизнь сквозь дыры в небе утекла?
Мир – он такой: наивный, но коварный.
Лежу. Смотрю в высокое окно,
Где над Россией треплется бездарно
Пробитое небесное сукно.

Щербатая луна хохочет снова.
Она дрожит уже который час,
Как голова Емельки Пугачёва,
Вися в руке хмельного палача.
Эх, русский бунт!.. Скрипит с надрывом дверца,
И я с оглядкой выхожу во двор,
За пазухой храня хмельное сердце,
Как некогда Раскольников – топор.

Быть может, время – это вид насмешки
Над человеком, впаянным в Ничто?
История падёт орлом и решкой,
А мы опять поставим не на то...
А город ночью вдруг набухнет тьмою,
Прильнёт к окну и выдавит стекло –
И унесёт меня своей волною
Туда, где доброты добрее зло.

Но, как бы пропасть века ни зияла,
Мне о любви надсадной не забыть,
И вылезает из-под одеяла
Та пустота, где ты могла бы быть.

И, глядя с неба в нас, ты ищешь знака,
Что мы – живём... Болит, как шрам, душа.
И Омка, как приبلудная собака,
Прижалась мордой к боку Иртыша.

Скоморохи

Что поделать, что поделать, – шутки плохи,
За улыбки – иль на по́стриг, иль в острог...
Оттого-то и бредём мы, скоморохи,
По последней из нехоженных дорог.

Все улыбки, все насмешки отзвучали,
И шутить теперь опасно – Бог спаси!
Оттого-то наши лица и в печали,
Оттого-то мало смеха на Руси.

А казалось, а казалось, а казалось –
Хорошо смешить гурьбой служивый люд!
Наши судьбы могут вызвать только жалость,
Нас изгнанниками истины зовут...

Вот – идём, поём, бредём дорогой дикой...
Может, кто-то хочет шуток да утех?..
По отчизне да по родине великой,
Собирая подаянье, бродит смех...

* * *

Да будет так, как хочет Бог:
Суров скитания итог.
И ты, переступив порог,
Не зажигай огня.
Войди в тот дом, в котором ты
Узнал стремленья и мечты,
Взгляни в себя из пустоты
Законченного дня.

Во тьму, как в зеркало, взглядишь:
Ты понял, что такое жизнь,
Замкнулся путь крестин и тризн,
На плечи давит ночь.
И в темноте не угадать,
Куда идти, к кому звать,
Но тихой песни благодать
Способна всем помочь.

Взгляни на огонёк свечи,
Перестрадай, перемолчи:
Вот так сгорел и ты в печи
Прошедших буйных лет.
Но за границей естества
Твоя душа всегда жива,
И в памяти всплывут слова:
Да будет в мире свет.

